

к 556

2

№ 4 (34)

Цена 200 руб.

2 руб. (обр. 1923).

КРОКОДИЛ

Москва.

28 января.

1923 г.

Рис. Д. Моора

9 января — крещение огнем.

В СТОПЕ—СТОПКА.

Рис. Ив. Малютина.

Пьяницы.—Припадем к стопам ее, ибо в стопе у нее стопочка.

Злоключения „Крокодила“.

1. „Крокодил“ арестован

Письмо из Ташкента:

«Московский Крокодил» в Ташкенте арестован!!! Пока что—домашним арестом. Полученный № 17 (29) журнала никому в магазинах Ташкента не продавался несколько дней. Причина—повидимому, помещенная там статья Л. Сосновского «Как Глунышкин стал редактором. (Ташкентцы)».

Сведений о снятии ареста пока из Ташкента не поступало. Обеспокоенный своим арестом и пережив все неудобства ареста, хотя бы и домашнего, «Крокодил» стал интересоваться: есть ли в Ташкенте подотдел печати при партийной организации? Оказалось—есть. И заведующий есть—т. Зонин. Ему бы и принять меры к охране достоинства партийного журнала—от самодурства местных людей.

Как на беду—заведующий подотделом печати и редактор Ташкентской газеты, о которой шла речь в «Крокодиле»—одно и то же лицо. Вот так фунт!

«Крокодил» арестовываться не согласен и с нетерпением ожидает выхода «Закона о печати», который оградит печать от выходок обиженных личностей.

2. „Крокодил“ превращен в чучело.

Письмо из Камышина:

«Кстати, передайте т. Сосновскому, что в Саратовской губ. на реке Иловле дей-

ствительно убит Крокодил и чучело из него находится в «Клубе Карла Маркса» в гор. Камышине».

Час от часу нелегче! Там арестовали. Тут выпотрошили и чучело набили.

3. С „Крокодила“ сняли кожу.

Более то.о. В одном из совмагазинов в Москве, на Кузнецком, лежит на окне какая то шагрень с надписью: «выделанная кожа Крокодила»:

Это явная фальшь, ибо шагрень эта есть кожа «дохлой кобылы» Демьяна Бедного, которую Москожа утащила без посредника из-под носа спорящих за нее трестов.

Товарищи! Видите ли вы, сколь тяжела служба «Крокодила»!

Но мы объявляем:

Всем, всем, всем!

„Крокодил“ настоящий находится в Москве, в Охотном ряду.

Все чучела крокодилов—провокация, имеющая целью вселить уныние в сердца читателей, приславших подписную плату.

„Крокодил“ цел и невредим и к жа у него Крокодилы, пуля нейдет. Со всякого рода „ташкентцами“ мы еще повоюем.

„Крокодил“.

Жилищный фронт.

(Из дневника).

Декабря 2-го. 22 г.

Сегодня кое-как переехал. Комната ничего; правда, со стен течет, а все лучше, чем на вокзале. С квадратурой вот только не ладилось. Размер—19 аршин, так из-за трех аршин целый скандал пришлось устроить. Не соглашались в Руни. Никак, мол, нельзя на излишнюю площадь выдать. Комната—де в роде того, что на полтора человека.

— Ну,—говорю,—чорт с вами, вселяйте ко мне тогда какого-нибудь новорожденного.

Однако, обошлось.

Декабря 5-го.

Комната, как комната, чего жаловаться. Темновата только, без окон. Да ничего было бы, с хозяйкой вот не уживешься. Никак не пускала, пришлось с милицией вселяться.

У самой пять комнат огромных и живет вдвоем, да еще прислуги какие-то и собака. Магазин у хозяйки на Арбате, буржуйка. И собака ее, прямо не собака,—классовый враг какой-то. Так и норовит ухватить.

Декабря 7-го.

Вчера хозяйка уборную на ключ заперла. — Чтоб я,—разоралась,—какого-то с улицы в свою личную жизнь пускала... Я женщина интеллигентная, с рабочим на одном стуле сидеть не намерена... Потому пути наши расходятся.

Пошел к председателю жаловаться, куда там! Генерал бывший и с хозяйкой в родстве. Два дня ходил, насилу до него добрался.

— Что ж,—говорит,—Марья Васильевна—женщина нервная, мнительная... К тому же прежде во всех хороших квартирах по две уборных бывало...

Махнул рукой, чего там. Хожу из своей надобности на бульвар, ближе никак нельзя. А все лучше, чем на вокзале.

Декабря 9-го.

Хозяйка в кухню за водой не пускает, а уж в ванную—мыться—и не подходит. Ничего, промаюсь какнибудь. Только нет моего терпения в отношении собаки. Я ее и так, и этак.

— Поди,—говорю,—сюда, собачка милая, кушай, пожалуйста.

Жрет гадина, а кончит, на меня же и бросается. В конце измучился. Похудел, словно тифом переболел. А все собака. И до того дошло, что либо ее порешу, либо на себя наложу руки.

Дверь позабудешь запереть на ночь, войдет, так и поровит укусить за пятки.

И хозяйка покою не дает. Возвращаюсь вчера, прислуга двери не открывает.

— Не приказано, чтобы посторонних...
Ночь опять на вокзале провел, даже лучше, будто, чем в комнате, показалось.

Декабря 15-го.

Две недели, как живу, а все об одном только и думаю—как от собаки избавиться. Пошел в аптеку.

— Так и так, мол, дайте стрихнину побольше.

— А сколько вам, например, и зачем?
— Да так, говорю, фунта четыре, что ли,—крыс у меня больно много.

У аптекаря даже глаза на лоб вылезли.

— Что ж это,—спрашивает,—грысы ваши поменьше слонов будут, или побольше?

Однако, отпустил, малость. Иду обратно,—рад. В подъезде приятель по заводу встретился. В этом же доме, оказывается, живет. Три дня, как в подвал, по ордеру въехал.

— Слушай, говорю, теперь, как нас здесь двое,—давай, брат, организуемся. Может, и еще рабочие есть. А то и жизнь не в жизнь. Видишь, вот стрихнин несу,—собаку хозяйскую травить, да и ее самое рад бы.

Декабря 17-го.

Вчера хозяйка провод электрический перерезала. Не обязана, мол, ему иллюминацию устраивать. А собака рада, что в темноте, в конце изорвала штанину. Сегодня с утра травить начал. Без обеда остался, а собаке весь стрихнин скормил. Сдохла все-таки.

Такое в доме поднялось, что хоть убегай. Чуть ли не с попами отпевали.

С приятелем по квартирам порыскали, три рабочих семьи нашли. Кто на чердаке, а кто во флигеле ютится. Собрались, постановили рабочую ячейку организовать.

Декабря 19-го.

К ячейке нашей кое-кто из совслужащих и студентов примкнул, до двух десятков набралось.

Скоро и фронт откроем. Буржуи наши прослышали, видно, не те стали. Зашел к председателю,—забегал:

— Пожалуйста, говори, пожалуйста. Я советской власти во всем сочувствую. Папиросочку не хотите ли?

Хозяйка чего-то кухню закрывать перестала.

Декабря 22-го.

Спал еще, хозяйка в дверь постучалась.

— Вы вот, товарищ, уборной не пользуетесь, я думала, что и не надо вам. А то, пожалуйста.

— И еще,—спрашивает—не нужно ли вам чего-нибудь? Да уж скажите кстати, правда ли, что нетрудящийся элемент можно в рабочие квартиры переселять?

Января 14-го.

Дня три, как новое правление выбрали. Своих целиком рабочая ячейка провела. Совсем иной коленик пошел. Хозяйка моя весь день лебезит:

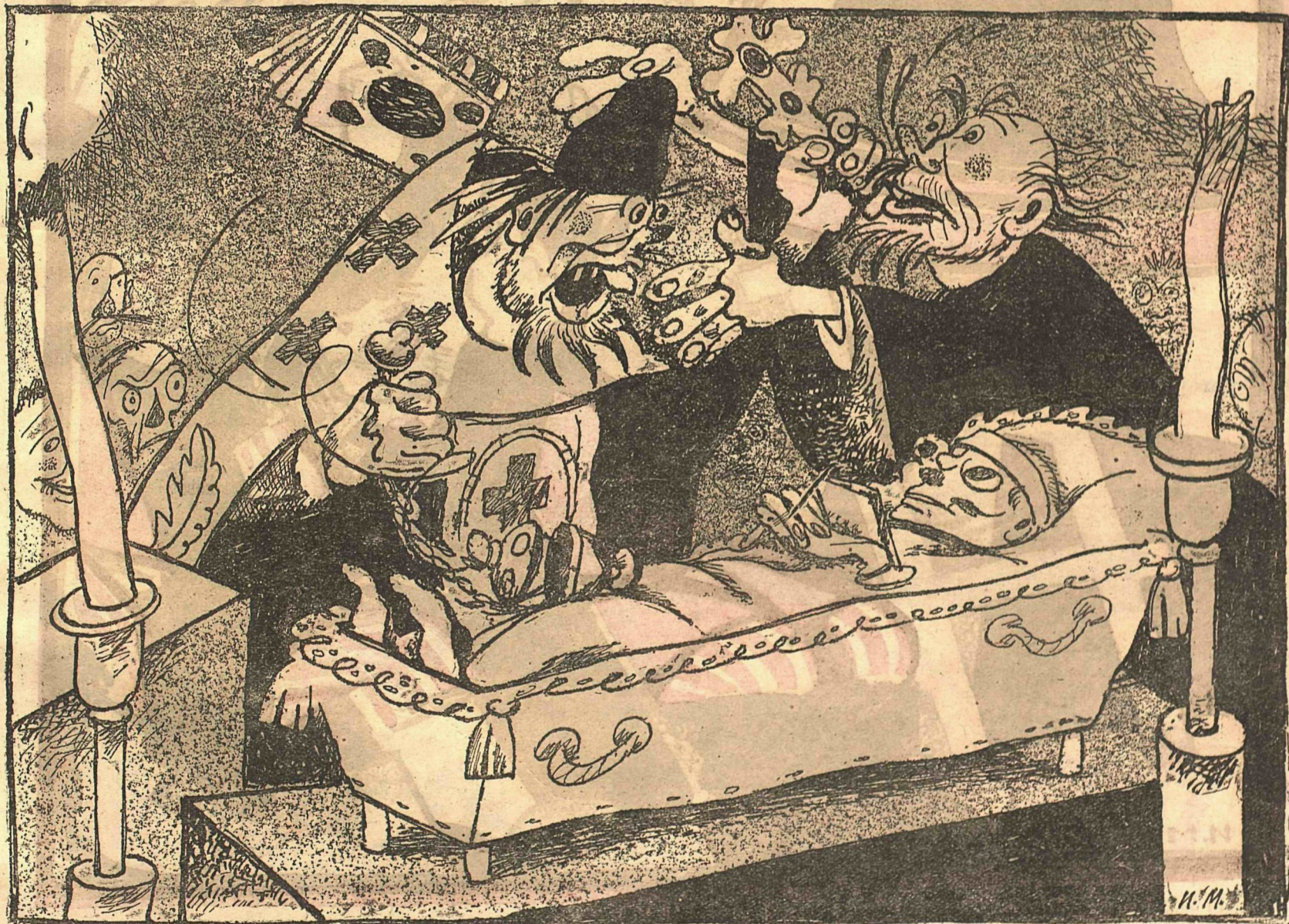
— Я, товарищ, уж давно предложить вам хотела, да неловко как-то. Боялась, не обиделись бы. Не перейдете ли в другую комнату? У вас здесь темно, знаете, и сыро очень, а я вам свой кабинет уступлю и на счет мебели не беспокойтесь.

И вообще,—говорит,—чувствую я к вам такое предрасположение, будто вы мне или племянник, или как бы крестничек.

Нр—во.

„Чувашский Край“ сообщает о столкновении между двумя сельскими попами. Вот, что один из них пишет другому: „Вы занимаетесь хищением моих доходов. Просту вас отказать от служения сорокоустов, обеден и всяких гоминований моим прихожанам. Вчера я был дома, а вы не утерпели противозаконно отпеть моего прихожанина без моей бумаги..“

Рис. Ив. Малютина.

— Священник Павсинакий!
На вас сержусь я паки!
Грызешся, как собани,
Пречувствительно-о-о!

Я полон лютой мести!
Убил-бы вас на месте!
В карман вы мой не лезте:
Оскорбительно-о-о!

Уж больно вы ретивы:
Посмели, поп паршивый,
Украсть мои гроши вы!
Возмутительно-о-о!

Покойник мой! Пррроклатье!
Нет, не могу молчать я!
Прошу его считать я
Недействительны-ы-ым!..

Язык до школы доведет.

На Дону, в Подкущевском хуторе, крестьяне все до одного, по своему желанию, сняли со своей хуторской церкви три колокола, продали их и деньги отдали для хуторской школы.

(„Правда“).

Рис. Ив. Малютина.

И.М. 23.

— Языком для поповского блага
Довольно трепался наш колокол.
Без него мы не будем плакать:
Продадим—и деньги на школну!

17

18

19

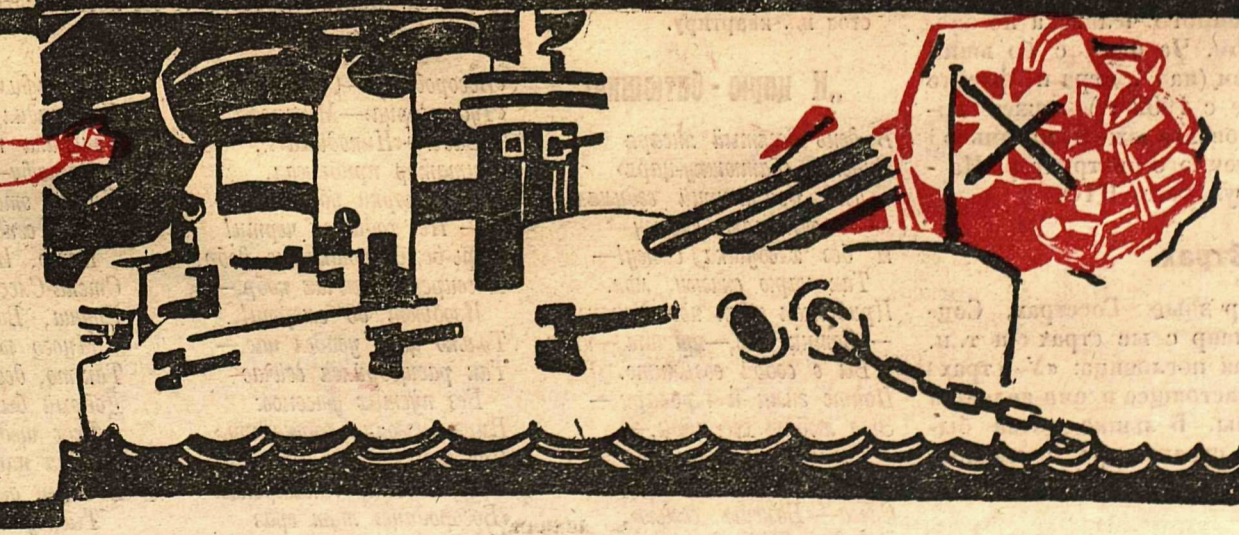
20

21

22

23

О. МООР. 23.

Наш флот возник из ничего,—могучим сделаем его!

Большая энциклопедия „Крокодила“.

Рис. Д. Моора.

В берлинском журнале „Что делать“ присяжный поверенный Н. П. Корабчевский поместил статью, в которой говорится: „В качестве юриста, сведущего в законах, удостоверяю, что в данный момент единственным беспорным законным наследником русского престола является великий князь Кирилл Владимирович“.

Совершенно исключительный, неслыханный успех нашей Энциклопедии размягчил даже жесткое сердце Крокодила. Он (не успех, а Крокодил) изъяснил нам свою признательность в нескольких прочувствованных словах, из которых, к сожалению, мы можем привести здесь только последние:

— ...ского ли же кид-то будет!

Уяснив себе, что зверю, сн даемому жгучим любилством, хочтса поскорее заглянуть в конец, мы решили сократить Энциклопедию еще на одну букву: Р.

Для современности словаря буква эта — совсем без надобности.

«РСФСР» начинетя с С: «ССР». «Россия» и «русублина» получаютя гораздо лучше, если начинать их со слова «Советская». «Работники» тоже начинаются с «Сов» и, к тому же, они, в большинстве случаев, «служащие». Выходит, таким образом, что у всех слов на «Р» впереди стоит буква «С».

Конечно, было бы неудобно (по дипломатическим соображениям) приставить спереди букву «С» к Русской Области или, например, к ратификации лоанс их постановлений... Но от толкования иностранных слов мы, вообще, воздерживаемся.

„С“.

Проницательный и вдумчивый читатель уже из предыдущих строк вывел, конечно, заключение, что, именно, с этой буквы начинаются «Советы» и все советское. Так оно и есть.

Ивать эту буву из обихода нельзя. Многие высокопоставленные генералы и знающие иностранцы имеют такое намерение, но жестоко нажглись.

Ставка.

Ставить может быть 1) на что-нибудь (на чет или нечет, на перевернутую карту, на что-нибудь глупость) и 2) за что-нибудь (свои и советских сужащих).

После запрещения азартных игр, граждан, влей-неволей, вынуждены доводиться в тюрьмы ставки.

Те, кому не удастся получить и таких ставок, берут в тросе аванс под поставку или открывают оптово-розничные магазины.

Стаж.

Весьма ценное житейское приобретение, делающее обыкновенного человека не заменимым специалистом. Чем больше с большим специальным стажем (например, игра на флейте в балльном оркестре с 1902 г.) может получать больше жалование даже на маленьком должностях библиотечного инструктора Накомпроса или консультанта ЦТО.

Страх.

Страхи бывают разные: Госстрах, Соцстрах, Губстрахи, напуганные страхи и т. п. До-революционная поговорка: «У страха глаза велики», в настоящее время является пережитком старины. Большеглазья бывают теперь не у страха, а у немчанов, получающих повестку из Соцстраха

Нич. Иванов.

Корабчевский: (Кириллу Владимировичу) — Вы единственный беспорный наследник русского престола.

Кирилл Влад.: — Что там престол! Далеко престол! Я бы хотел иметь просто-бесплатный стол и... квартиру.

„К царю - батюшке!“

В день десятый января
Видеть «батюшку-царя»
Люд простецкий вздумал:
— Я работаю — служу
И без хлбушка служу!
Так царю скажу, мол.
Прибежал тут по Гапон:
— Сотни две, — кричит, — икон
Вы с собой возьмите.
Пойте гимн и тропари, —
Это любят все цари, —
Да «уру» вопите!..
Ладно. Взял Иван «Илью»,
Савва — «Божью семью»,
Федор — «Серафима»,

«Богородицу» — Степан,
«Чудотворца» — Митрофан,
Бабы — «Никодима»...
Агитатор прибежал,
На все корки ублажал:
— Не ходите, черти!
Царь-де батюшка не добр,
А свирейей злочих кобр, —
Изобьют до смерти!..
Только царь увидел нас, —
Так расщедрился сейчас
Без пустых фасонов:
Вмиг «изволил приказать»
Нас как следует принять —
Не жалеть... патронов!
«Богородицу» тут враз
Пулей вывозило глаз,

«Серафиму» — ужо;
Пострадал святой Аммос:
Зацепила пуля нос,
Савофу — брюхо...
Ну, да это не беда!
А вот сгибли навсегда
Петр, Иван Кондратьев,
Степа-Слесарь, брат Иван,
Груша, Варенька, — Степан...
Много пало братьев!
Так-то, девка, паренек:
Добрый был у нас царек,
Всех щедрей баронов —
Он для наших бранных тел
В этот день не посжалел
Тысячу патронов!..

Краснов Жало.

Нэпмач и свиньи.

(Нравоучительная басня).

„Агроном Зубрилин пишет в „Бедноте“, что свинья спасла немцев: Германия продержалась долгие годы войны только потому, что каждый крестьянин держит там 8—10 свиней“.

Предлинной хворостиной
Крестьянин гнал свиней на рынок продавать.

Свиную встретив рать,
Нэпмач промолвил с кислой миной:
„Есть прут в руках, — так, значит, и гони?
Конечно, гнать свиней — не то, что гнать монеты,
Но все же... Про свиней читал ли в „Бедноте“ ты?

Спасли Германию они!
О, справедливость, где ты?
Вот также, брат, у нас — иному гражданину:
Сейчас с него — налог, вчера его — в Чеку,
А власть и все права, и в руки хворостину —

— Рабочему, да мужику!!!
Подумай, мужичок: при нашем капитале
Уместно ль нам ползти на свинском полозу?
Не мы ль спасем страну? Ты Мартова читал ли,
Пролившего за нас гражданскую слезу?
У нас же — где ж уж тут „на стол поставить ноги“!
Ведь для рабочего — что нэпман, что свинья.
И даже решено — наемни слышал я, —
„Со всех свиней на рынке брать налоги“!

„Смысл этого вранья?
И всей-то речи смысл? — читатель спросит строгий.
Читатель! Мишуру ты с речи соскноби, —
И ясеи будет смысл всех нэп-идеологий:
Скупить товар за грош, чтоб взять на нем рубли!“

Гоамен.

В ДЕПО.

Станция Харцылек Юго-Восточных дорог. Останавливается поезд, идущий на Ростов.

— Это что за вагон?

— Почтовый.

— Э значит, в нем почта?

— Ясно.

— А почему же из него сахар выгружают?

— Потому что не выгодно платить за провоз в товарном вагоне. А в почтовом — без «пошлины».

«Гудок».

В депо стояло много паровозов. Кряхтели и покаш ивали, как в при- смной у до. т. ф. а. Разговаривали шопотом.

Молодой, свежий на вид паровоз кряхтел испорченными колосниками: Мне сказали: средний ремонт... А какой тут средний. Гоняли все время в Архангельск. Конечно, я грудь за- студил, боюсь, не чахотка ли. Мне бы теперь в Крым проехать, да угля бы настоящего, кардифского...

— Э, брат, чего захотел. Я вон дровами питаюсь и то рад-радешенек.
— Тебе вообще помирать пора — лет сто, чай, уже прожил.

— Поршень тебе в глотку! Грех тебе за такие слова. Я еще поживу, мне еще в деревню машины отвезти нужно.

— Долгз придется деревне ждать, пока ты поправишься...

— А вот я, товарищи, как это ни странно, заболел от чрезмерной смазки.

— Как так? Каким образом?
— Дело в том, что мой машинист очень любил смазку. И его смазывали очень часто. А он меня забывал смазывать, будучи сам всегда смазан. Поняли?

— Да, оывают случаи... А меня вот и смазывали хорошо, и все-таки я геморрой себе нажил. Стоял-стоял на

станции, мне бы уже давно ехать нужно. Да начальник откуда-то все денег ждал. Пока, говорит, не дадут — не пушу. Ну, я и заболел.

— А я себе ноги сломал из-за того, что инженер женился на молоденькой, а сам был старый. Надо ему было шпалы сменить, а он все деньги на жену потратил, и шпалы поставил хуже прежних. Тут я и споткнулся. Вот что любовь делает.

— А я надорвался

— А я хотел покончить жизнь самоубийством. Надоело мне одни спекулянтские грузы возить. Надоела такая жизнь, я и подумал: сойду-ка я с рельсов. Спасли. Только ребра себе помял.

Дверь депо открылась. Паровозы притихли, думали — доктор. Но вместо доктора, пыхтя и вздыхая, вкатился новый больной.

Паровозы с любопытством уставились на новичка.

— А у вас что, товарищ?

— У меня — сахарная болезнь.

Шопот изумления пронесся по депо.
— Как это может быть? У честного советского паровоза — и вдруг — сахарная болезнь?

Новичок пояснил:

— Почтовый я. Всегда был почтовым и им и останусь. А тут мне вместо почты стали сахар накладывать.

— Кто?

— Да, конечно, нэпманы. Сегодня — сахар везешь, завтра — сахар, после завтра — сахар. Ну как тут не заболеть с непривычки сахарной болезнью?

Паровозы с уважением глядели на рассказчика. Помолчали смущенно. И только один, возивший с эстонцами краденое серебро, решился промолвить:

— Вам теперь, товарищ, чай пить придется с сахаринном. Только не берите эстонского: изжога от него.

Вас. Лебедев.

„Гладиаторы пера“.

В последнее время участились случаи преследования работников печати. Задетые в печати лица угрожают корреспондентам расправой вплоть до убийства.
(Из газет).

Редактор газеты «Набат революции» на общем собрании сотрудников заявил:

— Печать — оплот пролетарской революции. Сотрудник газеты — солдат революционной армии. Перо — винтовка, портфель — щит. Разоблачайте шкурников, карьеристов и примазавшихся, какой бы пост они ни занимали. Помните, что вы — гладиаторы пера.

Сотрудники одобрительно кивали головами. Речь редактора была покрыта громкими аплодисментами.

Для через два в газете появились заметки, здорово прохватывающие: начальника милиции, — устроившего под рождество попойку; заведующего загконторой — сгноившего несколько сот пудов зерна и председателя правления ЕПО — требовавшего от служащих вставания при его приходе.

А на другой день в редакторский кабинет первый ворвался начальник милиции и закричал еще с порога так, словно перед ним находился не редактор, а взвод солдат:

— Какой это мерзавец написал гнусную заметку о том, что я пьянствовал? Сообщить имя этого негодяя! Я ему морду побью! Я его пристрелю, как и гшивую собаку!

— Нельзя ли, товарищ, потише, — сказал редактор, — не забывайте, что вы в помещении партийного органа.

— А напле ать мне! — заорал начмилиции, стуча наганом по столу, — сейчас же подать мне этого писака! Я ему морду разворочу!

К крику начмилиции прибавилась фистула вошедшего в кабинет заведующего загконторой:

— Это клевета!

Я привлеку вас к ответственности! Нужно сначала узнать, а потом писать!

За криком и бранью начальника милиции и завзагконторой редакторского голоса не было слышно. Перепуганная машинистка убежала и только обалдевший редакционный рассыльный с изумлением смотрел на беснующихся посетителей.

С появлением председателя ЕПО протестанты перешли к активным действиям. В редакторской комнате чернильница, пресс-папье. С грохотом упала на пол пишущая машинка.

Когда все предметы были пущены в редакторскую голову, посетители удалились.

— Заруби себе на носу, — сказал на прощанье начальник милиции, остановившись в дверях, — в следующий раз голову тебе оторву, писака несчастный!

Вечером на экстренном общем собрании сотрудников редакции было решено: приобрести два пулемета, винтовки и по бомбе для каждого сотрудника. Кроме того, ед ногласно цинили предложение редактора — наклеить на входные и двери постановление 8 съезда о партийной и советской печати и два циркулярных письма ЦК РКП.

— Не смущайтесь, товарищи, — сказал, закрывая собрание, редактор, — пишите, разоблачайте, бичуйте. Не забывайте, что вы — гладиаторы пера!

Архип.

Земляки.

Хохол рабочий с малоросской Идет по улицам Москвы. Чуть тлеет пламя папироски И метит очерк головы.

Вверху небес сплошная мякоть, Под вечер зябче и сырей Внизу растоптанная слякоть И свет змеистый фонарей.

Устал. От олуды типографской, От рук, волос и картуза Знакомо пахнет свежей краской И буквы прыгают в глазах.

Но звонок смех землячки юной, И говор милых уст певуч... И будто степь и отсвет лунный, А небо в звездах и без туч.

Вас. Лебедев.

Газетчику.
Чтоб нэпман в ужасе застыл,
Скажи: — Купите „Крокоди!“

„ЕГО-ЖЕ И МОНАХИ ПРИЕМЛЮТ“.

В Симоновом монастыре не раз была обнаружена самогонка. (Из газет).

Келья в монастыре.

Ночь. Лампада. Посреди кельи пытит таинственный аппарат, вокруг которого как черные призраки суетятся две фигуры...

— «Руси есть веселие пити», сказано убо в Писании...—говорит один монах другому.—А по сему не могу понять, за что же нас преследуют яко татей в ноши и изготовителей фальшивых динариев?.. Отец Варахасий, приволоки-ка снежку!..

— Абие схожу, отец Паусилуп, токмо поведение наше вельми подозрительно...—возражает Варахасий.—Испешдешу мне в последний раз за снегом, узрел меня отец Гавиний и вопрошал, почто надо мне ночью столь много снегу?

— Ну, и что же ты ответствовал?—спрашивает встревоженный Паусилуп.

— Я рек, что у тебя недуг, именуемый горячкой, и температура в сорок градусов, а посему оный снег к твоему темени возложить хочу...

— Дурак еси!.. Чай, они могут придти сюда на предмет освидетельствования моих телес!.. И вдруг узрят сей спиртуозный срам!..

— Хе-хе-хе... И ты мнишь, что сие их удивит?.. Да они потому и не грядут к нам, что сами-же сейчас оным-же самогонным производством заняты суть!..

Варахасий выходит из кельи и через минуту возвращается со снегом.

— Камо бегу от лица твоего? Паки и паки отец Гавиний встретился!..—говорит он, улыбаясь.

— Так чесо-же ты столь в сл еси?..—удивляется Паусилуп.

— Да он такожде за снегом вышел!..

Оба монаха смеются. Мистически колеблется синеватое пламя примуса. Капает самогонка в подставленную четвертную...

Вдруг раздается стук в дверь...

— Кто это?..—пугается Паусилуп.

— Да кто-нибудь свои... Не бойся!.. Войдите!

— Мир вам!..—входит стучавший монах.

— Чесо хощещи?..

— Да гряду попросить у вас иголочку для примуса... Своя-то сломалась...—как-то конфузясь говорит Анания.—Картошки вздумал сварить...

— Такой-же, как у нас?..—ухмыляясь, показывает Варахасий на свой завод.

Анания видит аппарат, и кофюз его пропадает...

— Камо бегу от препарата сего?—смеется он.—Аще взыду к Акакию, ты тамо еси; аще взыду к Павсикакию, ты и тамо еси... Дайте отведать, братие, сколь кренок ваш нектар райский?..

Он пробует, крикает и говорит:

— Вельми хорошо!.. Напоминает водку с заводов в бозе почившего его императорского величества благочестивейшего самодержавнейшего государя нашего императора Николая Александровича... Ну-с, про-ти те Христа ради!.. Аще понадобится игла, то грядите ко мне, либо к отцу игумену: он гонит, дондеже петел трижды возгласит.

Апостол Федор.

Интернационал — вместо Лазаря.

Рис. М. Черемных.

В степной глухой донской станции ставят в клубе пьесу с „Интернационалом“ и поп дирижирует хором. („Известия“).

Рис. М. Черемных.

ПОП (на мотив „Интернационала“):

— Доходу стало очень мало,
А без доходу острый нож,

— Не только «Интернационалы»,
А—что угодно запоешь!..

В Турции введен закон об обязательном браке. От брака освобождаются только учащиеся и военные. Остальные за безбрачие платят штраф.

Рис. М. Черемных.

КОМИССА ПО ОТСРОЧКАМ

Рис. М. Черемных.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГО ИССИИ:

— Еще полгода или годик, и он для брака будет годен.

Голод не тетка.

(Последняя сказка Андерсена)

Бывшая царица Мария Федоровна отговаривает датского короля, которому она приходится теткой, от возобновления торговых сношений с Россией. Ее поддерживает крупный промышленник Андерсен.

(Из газет).

Датский король сидел хмурым и злой. Принимал посетителей.

— Ваше величество, промышленности нашей туго приходится... А там знаете у русских ден, пенька... а?

— Никаких русских! Знаю я этих русских. Тетка мне рассказывала, там теперь одни большевики.

— Ваш величество... Холодно нам.. А там говорят меха есть у этих... как их.. в Союзе России.

— Потерпите. Не могу же я из-за ваших мехов огорчить родную тетку.

— Ваше величество, вар везти некуда. Курми го, хорошие та и, д

И молоко от них. У банках мариновали—мари

— Ну и что—же?

— Да вот, говорит в

— Пожалуйста не по

при мне этого слов

ная тетка терп

может.

— Но что же нам де

— Чигаите сказки Ан

Он, по крайней мере

вас уважать своих теток

* * *

Промышленники вы

чальные.

— Ведь это беда!

— Это грозит нам

ленным кризисом!

— Промышленным г

И решили торговать

бандой. Потому что:

— Голод не тетка.

В непродолжительном времени выйдет в свет
СЕРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-САТИРИЧЕСКИХ

Альбомов „Крокодила“.

Подробности в следующем номере.

Страшная находка.

Басенка с моралью.

В селе Петрова Гора появилась на площади огромнейшая бутылка.

Проходил мимо бутылки мужик Парфен и удивился:

— Что-бы тут такое было?

Понюхал, попробовал на язык:

— Вот так штука!

Еле до дому дотащил!

Сидит и радуется! Чай, в той бутылке ведра три—свезти в город да продать—там глядишь и корову купить можно—сосед давно набивался, да денег не было. Надо сказать, что Парфен был мужик бедный—а тут, поди ты, какое счастье привалило! Корову будет молоко давать—в городе теперь молоко в цене, а там глядишь, справится—и лошадку купить можно, не все на братней пахать...

Сидит так Парфен, мечтает, а по деревне уже гул прошел.

— Парфену находка привалила— вот кому счастье—самогона огромнейшая бутылка! И кто это мог ее на площади оставить!

Часу не прошло—приходит к Парфену член покосной комиссии: строго таково-то поглядывает:

— Тут на тебя жалоба... Ты на три шага общественного луга скосял!

Парфен оправдывается:

— Нет и нет!

— На тебя штраф наложит придется!

А сам все в угол смотрит, где бутылка стоит.

Догадался Парфен—немножко-то не жалко—налил ковшик:

— Выпей...

Тот выпил, и еще попросил:

— Как-нибудь это дело уладим—не беспокойся...

Только ушел—а тут председатель сельсовета:

— На тебя черед—уполномоченного вести...

— Да ведь брат уже возил—у нас одна с братом лошадь!

— Брат—это одно—а ты—другое.. Как знаешь—мое дело сказать...

А сам в угол поглядывает.

Налил Парфен и этому ковшик. Ушел.

— Оно, говорит и верно, у вас лошадь пополам, так выходит—одна семья...

А тут милиционер приходит:

— У тебя там... Парфен и слушать не стал,—прямо ему ковшик наливает. К вечеру осталось одно ведро.

— Ну да ничего—и это продам—можно будет телочку купить, а там телочка вырастет... И лег спать.

Уже ночью разбудили:

— Из волости приехали—за тобой по продналогу недоимка!

— Да я давно свез!

Квитанцию показывает.

— Тут у тебя номер не тот!

Делать нечего—небось даром до-

сталось—не жалко! Выпили и за продналог—ковшик и за подворный налог, и за три повинности—к утру ни чего не осталось.

Хвать утром—начальник района милиции.

— Ты самогона гонишь?

— Помилуй, голубчик...

Смеется:

— Такие вещи на дороге не валяются, что сказки-то говорить... Деньгами дал—последнее что было. Только тот из двери—хвать—опять гости.

Особая по борьбе с самогоном комиссия!

И самогон весь и денег нет—тут не отвертись! Как увидел Парфен—бежать! Да куда убежишь—схавали и на шесть месяцев принудительное заключение!

М о р а л ь: Смотри, Парфен, вперед умнее будь—видишь, самогонка до чего доводит!

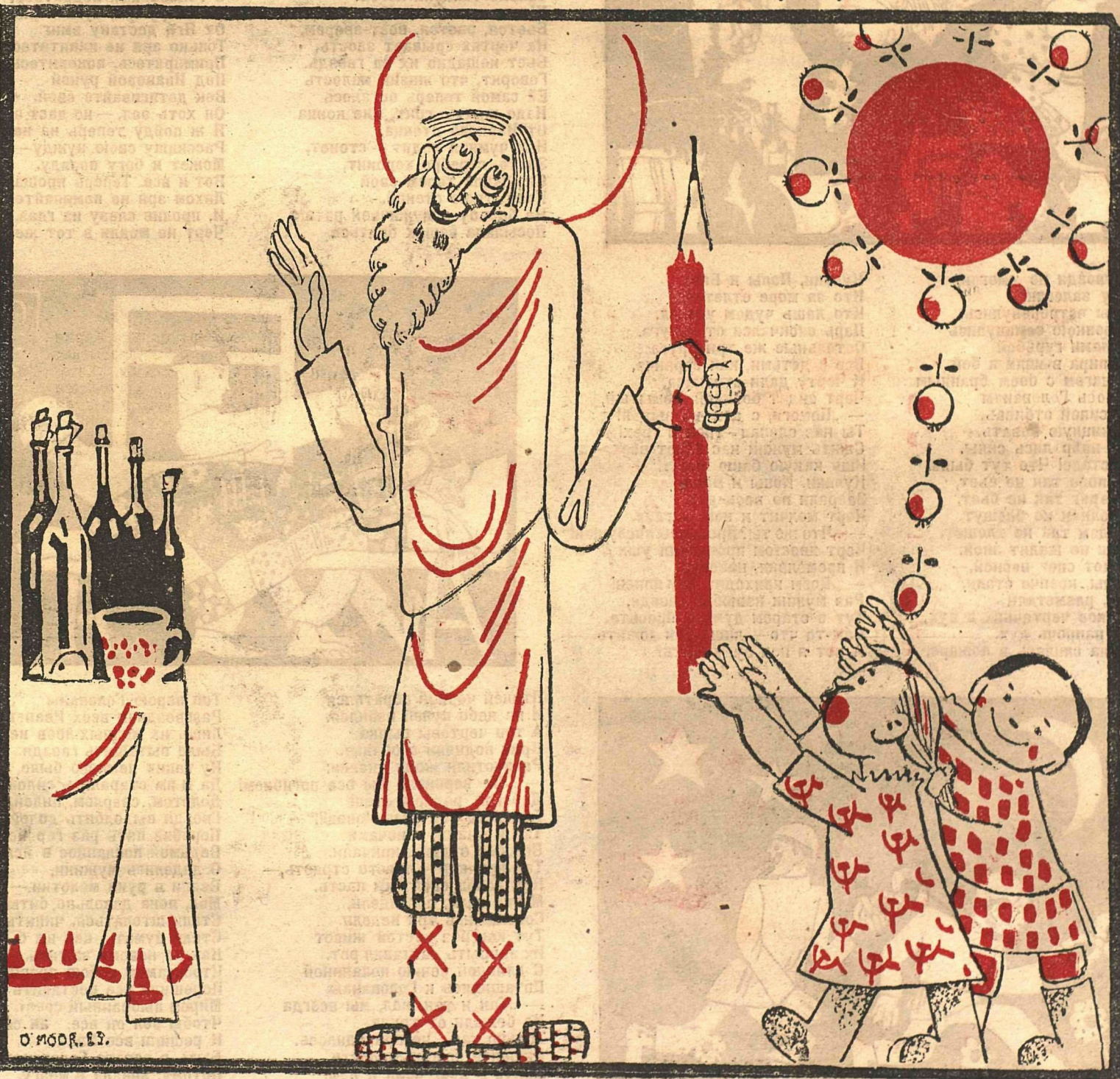
Матвей Нредит.

Св. МУЖИК.

Коль мужик не пропил урожая,
Я того мужика уважаю.

(А. Толстой.)

Рис. Д. Моора.

Радуйся, мужицкий святитель Никола:
Ты снял урожай и не пропил его!

Радуйся, отдавший зерно на школу,
Радуйся, принявший уважение Крокодилово!..

Как мужик у всех в долгу остался и как потом со всеми расквитался.

Рис. Д. Моора.

Окончание.

Сказка Вас. Лебедева.

Все Иваны вдруг проснулись,
Оглянулись, улыбнулись,
Девки встали в хоровод,—
Мужики бегут на сход:
— „Что за чудо? Эй, ребята!
Ванька! Глянь-ка! И земля-то
Сразу стала широка!
Эх! Рванем-ка трепанка!“
Вдруг из города с завода
С флагом прет толпа народа,
Ташут музыку, цветы...
Мужики раскрыли рты.
Из толпы руками машут.
— „Ванька! Глянь-ка! Это наши,
Все братья мои, твои
Из Ивановой семьи!“
Из толпы кричат Иванам:
— „Воля вольная пришла нам!
К Черту чертовых сынков,

Бар, Попов и Кулаков!“
А Иваны отвечают,
Братьев лаской привечают:
— „Верно, братцы! На весь мир
Зададим теперь мы пир!“
Пир затеяли Иваны.
Только скоро Голованы
Братьям подали совет:
— „Мол, для пира сроку нет,
Мол, пока пиры вы бросьте—
В головах остались гвозди.
Вы должны, мол, нам помочь
Гвозди эти вынуть прочь.
Все нельзя ведь сделать рогом,
Гвозди крепко в'елись в разум,
Псы, Попы и Кулаки
Снять успели кулаки.
Понабрали тех Иванов,
У которых мы так рано

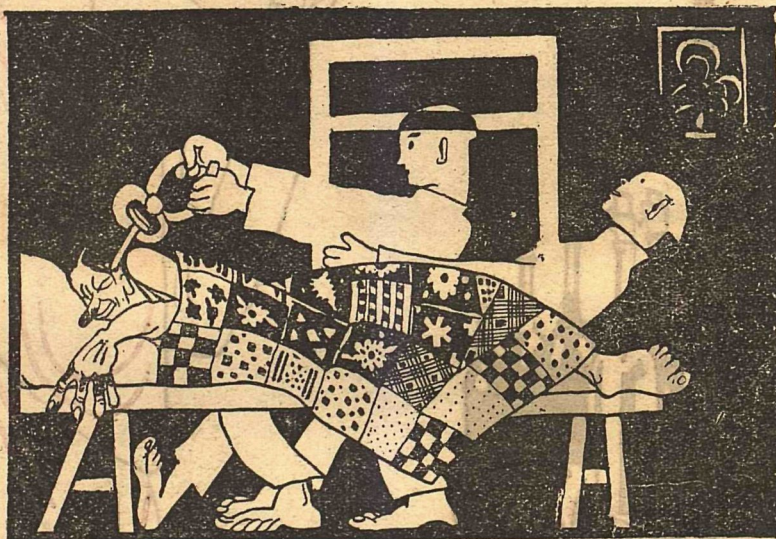

В Черта веры нет в Иване,—
Не под'едешь, не обманешь.
Говорил я тут с Ягой—
Только топнула ногой.
Жар и к ней доходит в терем,
На чертях срывает злость,
Бьет нещадно их за гвоздь.
Говорит, что жизни малость
Ей самой теперь осталось
Надо ждать, грит, мне конца
От Иванова птенца.
Как чумная ходит—стонет,
Злато, серебро хоронит,
Окружила терем свой
Необ'ятною стеной.
На борьбу с мужичьей ратью
Посылала ваших братьев

Из эзморских разных стран—
Только всех побил Иван.
Коль хотите попытаться
С Голованами подраться,
Я вам ружей, пуль и пик
От Яги достану вмиг.
Только зря не кипятитесь,
Примиритесь, покоритесь
Под Ивановой рукой
Век дотягивайте свой.
Он хоть зол,— но даст вам хлеба—
Я ж пойду теперь на небо,
Расскану свою нужду—
Может к богу попаду.
Вот и все. Теперь прощайте.
Лихом зря не поминайте,—
И, пролив слезу из глаз,
Черт не медля в тот же час

Вынуть гвозди не смогли,
И в осаду залегли.“
Тут Иваны встрепенулись,
Ратью крепко сомкнулись
С Голованами гурьбой
Прямо с пира вышли в бой.
Шаг за шагом с боем бранным
Приходилось Голованам
Братьев силой отбивая,
Рать мужицкую ковать.
Наконец—набрались силы.
Что тут стало! Что тут было!
Вьюга в поле так не вьет,
Море в берег так не бьет,
В небе молнии не блещут,
Буря градом так не хлещет,
Летом так не жалит зной,
Так не тает снег весной,—
Как Иваны, крепче стали,
Налетали, разметали
Всех сынков чертячьих в пух,
Выбивая напрочь дух.
Вся страна слилась в пожаре,

Кулаки, Попы и Баре
Кто за море отлетел,
Кто лишь чудом уцелел.
Царь скончался от испуга,
Остальные же три друга
Все с детьми, как саранча,
К Черту дали стрелача.
Черт сидит больной, невымытый,
— „Помоги, с аси, не выдай!
Ты нас сделал—твой и грех!
Сжить мужик нас хочет всех,—
Ишь какую баню парит!“—
Кулаки, Попы и Баре
Заорали во весь дух.
Черт молчит и нем, и глух.
— „Что же ты? Проснись, послушай!“
Черт хвостом прочистил уши
И промолвил, наконец:
— „Всем приходит нам конец!
Раз мужик повыбил гвозди,
Тут о старом думать бросьте.
Вам-то что— лишь век дожить,
А вот я как буду жить?“

Птицей черной обратился
И на небо пулей взвился.
А три чертовы сынка
Крик подняли в облака,
Распустили нюни ливнем:
— „Эй, вернись! Мы все погибнем!
Дорогой, родной, отец!
Без тебя нам всем конец!!!“—
Так и днями, и ночами
Все без отдыха кричали.
Так кричали— просто страсть,—
Под конец свело им пасть.
Молча сели, поглядели,
Совещались три недели.
Тут как раз пустой живот
Их закрыть заставил рот.
С длинной речью покаянной
Поташились к Голованам:
— „Так и так, мол, мы всегда
Не бежали от труда.
Только так... не приходилось.
Окажите божью милость,
Дайте в долг обед и дом,
Мы отплатим вам трудом“.

Той порою Голованы
Разгвоздили всех Иванов,
Лишь из медных лбов нельзя
Было вытащить гвоздя.
Ну таких немного было,
Да и им старались силой,
Долотом, сверлом, пилой,
Гвозди выдолбить долой.
Перевив пять раз геройски
Ведьмой посланное в йско,
Огляделись мужики,
Взяли в руки молотки,—
Мол, пока довольно биться.
Стали штопать, чиниться,
Стали думать, как им быть,
Как по новому зажить.
Чтоб самим собою править,
Порешили все поставить
Миром выбранный совет,
Чтобы вел он все, ак след.
И решили все Иван...
Быть в совете Голованам,
Потому: звезда в мозгу,
В темноте увидят згу.

Так решили — и за дело.
Живо дело закипело,
А работы разной тьма
И для рук, и для ума.
Где ни глянешь — Черт с Ягою
Наломали кочергою
Столько дыр — хоть волком вой,
Да еще во время войн
Много было ураганов.
Навалился на Иванов
Труд тяжелый и большой.
Только с легкою душой,
С легким сердцем и в охоту
Нес Иван свою работу:
Был себе он сам один
И слуга, и господин.

Тут и сказку б кончить надо,
Да уж так и быть в награду
Вам за ласку и поклон
Расскажу Иванов сон.
Лег Иван однажды ночью
И увидел вдруг воочью,
Как живет наш белый свет,
Через триста тридцать лет.
Глянул раз — не оторваться,
Век бы диву любоваться.
Не картина, а краса,
Чуда нет, а чудеса:
Перепутались народы,
Стали все одной породы
Нет врагов — одни друзья,
Целый мир — одна семья.
Нету грязи, нету пыли,
Землю всю сады покрыли,
А меж зелени садов
Бусы пестрые дворцов.
Нет совсем неурожая,
В год пять раз земля рожа,
Рожь, пшеница сам-пятьсот
Урожай везде дает.
Труд считает всяк за счастье,
Тучи солнышка не застыт:
Люди в небе там и тут.
Как баранов, их пасут.
Точно птицы, легкой стаей
Над землей они летают.
В бирюзовый луг небес
Хоровод детей залез.
Чтоб воды достать получше
За водой летают в тучи.
От земли туда-сюда
К звездам ходят поезда.
Рай — не рай, а лучше рай!
Тихо музыка играет,
Пахнут сладостно цветы
Небывалой красоты...
Наш Иван залюбовался
С уст печальный вздох сорвался:
— „Скоро ль будет это все?“
Ветер вдруг ответ несет:
— „Гвозди все когда повьнут,
Все сынков чертячьих скинут—
Тут Яга умрет сама,
И уйдет из мира тьма.
Все за труд возьмутся споро
И тогда настанет скоро
То, что видел ты сейчас“.
Тут Иван проснулся враз.

Вот и все. Устал я, право..
Коли сказка вам по нраву —
Мне не надобно наград,
Я делиться с каждым рад.
Только просьба к вам такая:
Каждый гвозди пусть таскает,
Чтоб увидеть вам и мне,
Что видал Иван во сне.
Конец.

Вас. Лебедев.

Сокращение штатов.

На небесах великая тревога.
Ангелы не пою, херувимы не
славословят. Угодники повесили
головы, пророки со апостолами
крепко задумались. У райских
дверей стоит огненная колесни-
ца. Опряженная пара коней
журкает сево в оглоблях. Хозяин
л. шадей, грозный старик Илья,
еще недавно мелевший гром и
молнии, ходит раздраженный, ви
с кем не разговаривает. Ап-
стол Петр, вышедший с ключами
на поясе, лениво поглядел на

облака, где сидел Господь-Сава-
оф — там было темно и уныло. Уви-
дя Илью омыренного, спросил:
— Что, Илья, и тебя сокращаю?
Илья ответил мрачно:
— Умные стали! Сколько го-
дов доносили меня разными мо-
литвами, а теперь ни один му-
жичишка не хочет глядеть. За-
води искусственное орошение,
вешают по избам электрические
лампочки. Куда мне с лошадьми
деваться на старости лет?

Петр вздохнул.
— Придется богадельню строить.
К ним подошла Прасковья-
пятница.
— Что, батюшка Илья, запеча-
лился?
Илья отмахнулся.
— Отстань! Тут не бабьего
ума дело. Сам знаю!
Через полчаса собрались все
угодники с мучениками, все пра-
ведные, все преподобные, юро-
дивые и блаженные, заговорили
на разные голоса.
— Куда нам деваться теперь?
Фрол с Лаврой сказали:
— Просить надо Господа, отца
нашего небесного. Пусть обра-
зумит народишко на земле.

— Да в чем дело-то? — с ро-
сили Козьма с Демьяном. — Рас-
скажите толком.
Загремел в трубу архангел,
все умолкли.
Николай, архиепископ Мирли-
кийский сказал, сверкая глазами:
— Угодники, праведники, му-
ченики и преподобные! Народ
на земле отвергает религию,
упраздняет чинопочитание наше.
Царских дней больше не суще-
ствует. Даже деревенские люди
заражаются духом времени. Вме-
сто лампад перед ликами наши-
ми вешают лампочки электриче-
ские по избам. Блудят память о
нас только старцы беззубые,
но жития им земного остается
немного и со смертью их мы
будем сокращены за ненужно-
стью молодым. А происходит
колебание в народе от великого
множества нашего. Чтобы не
погибнуть всем одновременно,
нам надо сократиться. Слишком
много нас. Возьмите последний
календарь, выпущенный Господом,
и там вы увидите имена
мужские, имена женские, приво-
дящие в сомнение святостью и
заслугами перед Господом. А в

старых календарях нас тысячи.
Я, архиепископ Мирликийский,
предлагаю упразднить всех угод-
ников и всех мучеников из про-
слого звания, чтобы не было
соблазна в умах человеческих.
Оставим наиболее чтимых.
— Кого? — крикнули угодники.
— Тише, тише! — сказал Ни-
колай. — Сейчас разберемся. Илья
оставим на всякий случай. Ива-
на Крестителя, Деву Марию, ме-
ня, как самого старейшего.
— А на? — спросили Фрол и
Лавра.
— А меня? — спросила П. а-
сковья-пятница.
— Вас придется сократить.
В это время явились два ан-
гела, посланные на землю, и груст-
но сказали:
— Всех сокращайте!
— Почему?
— Содержаться нечем
Тут закричали угодники с пра-
ведниками, юродивые и блажен-
ные:
— Куда пойдем, бесприютные?
— Кто уронит слезу перед
нами?
Ответа им не было.

Насмешник.

Куно потребовал переложить часть тя-
жести репараций на крупную промышлен-
ность. Стиннес запротестовал.
(Из газет).

Рис. Б. Ефимова.

Стиннес (Куно). — Помни, что ты только приказчик у хозяина! А хозяин! —!

Я памятник себе воздвиг нерукотворный.

Заведующий Навлинской заготовительной конторой (Брянск. губ.) Колесников сделал к 5-ой годовщине октября знамя, посвященное ему Колесникову.

Из газет.

Рис. Ив. Малютина.

Великим порывом и чувством горя,
Заведующий загконторой
Стяг золотом вышил и в день Октября
Идет с песнопением в город.
На стяге великие буквы горят:
— Да здравствую я!

И следом за зовом скотины семья
Идет с пролетарским задором:
Корова, сынишка, петух и свинья.
И всюду плакаты: «Да здравствую я,
Заведующий загконторой!»

— Ну, и дела!—возмущался арендатор и бывший владелец табачной фабрики «Шляпки и С—я»:—папиросы какого-нибудь Дуката в ход любо-дорого идут, а наши, даром и название—этакое старорежимное: «Сенаторские». скажем.—ни в какую.

— Беда,—поддакивал компаньон (он и же «Сыновья»),—сказать только—наилучшего качества лист капустный пускаем, опять-таки и на коробках этикет золотой. А потому—конкуренция.

— Нашел,—неожиданно хлопнул себя по лбу Шляпки и выбежал на улицу.

* * *

— А ну-ка, пистолет, дай папирос пачку,—сказал он тоскующему на углу мальчугану.

— Пожалте. Лучшие-с. От Дукату.—встрепенулся мальчуган.

— Что? Дукатские?—рассердился Шляпки,—да знаешь ли ты, стервец этакий, что они с сапом? Людей заражать будешь. А в милицию не хочешь? Смотри у меня.

— Простите, дяденька,—заплакал мальчик,—не буду больше, вот крест, не буду.

Шляпки злорадно усмехнулся и пошел дальше.

* * *

— Почему без патенту торгуешь,—цыкнул постовой милиционер,—покажь, что за товар у тебя. И сунулся за папиросами.

— Дяденька, товарищ,—испуганно уговаривал мальчик,—не бери «Асти»: с сапом они, ей-ей... Милиционер недоверчиво поглядел и сплюнул. Но закурить не решился.

— Зараза, она тоже прилипчивая.

* * *

— Понимаешь ты,—рассказывал милиционер подручному из мясной,—пустили это буржуи заразу в папиросы, чтобы, например, сапу на рабочего человека напустить.

— Ишь ты,—изумился подручный.—стало-быть, и не кури.

— А все нэпа стоклятая,—сокрушенно сказал милиционер.

* * *

— Что вы делаете,—взвондованно закричал Моссельпромский приказчик, увидев в руках покупателя папиросу.

— А что?

— Рядом двое от папирос сап схватили, своими глазами видел.

— А, знаете,—зашептал он,—сегодня ночью расстреляны оба.

Покупатель наскоро затоптал окурок и злобно прошипел:

— Вот они, порядки советские... Тоже национализировали, а сами сап разводят. Строители... Вернули бы фабрики,—разве было бы такое.

* * *

В кабинет доктора ворвался бледный, как смерть, молодой человек.

— Доктор, спасите, у меня сап,—закричал он и упал в кресло.

— Ну вот,—усмехнулся врач,—симптомы-то у вас какие?

— Симптомы,—слизь вот из носа течет, и горло еще. И не говорите, доктор,—замахал руками посетитель,—знаю, что сап: от папирос заразился!

— Насморк у вас, гражданин,—и ничего больше.

— Не верю, доктор, скрываете вы от меня,—лепетал пациент.

— Ну, если так,—рассердился врач,—так и идите к ветеринару.

* * *

Владелец ресторана «Кавказ» жалобу в Народный суд подал:

... «Потому как сосед мой Облашев в конкуренции и от прибыльности моего дела, а между прочим у него всегда пусто и некуда посетителя уплотнить, то порешил он меня в болезнь вогнать, которая через папиросы прилипла... А потому, заболев

От Эр-Эс-Эф-Эс-Эрской стали
Преграды рухнут без следа:
Мы разрушим Европу сапи,—
Так что нам эти горы льда?

Как летом, порт волнами вспенен!
И мнится, будто, мчась вперед,
Под красным стягом мощный «Ленин»
Капитализма режет лед...

Сапом, из носа моего течет и прошу возместить
убытки через это лошадиное дело...»

В церквах на окраинах старушки губами шле-
пали:

— ... Ик... ик... Большевики, ироды, будь они
трижды прокляты... Сквозь народ мрет от сапу.
Через табак пуцают, антихристы. Сказано бо в
писании—и придет глад и мор...

— Уеду я из Москвы, завтра же уеду,—ломала
руки жена комиссионера с Ильинки,—опять эпи-
демия. Только жить начали, на тебе... А муж только
вчера курить бросил.

— А правда-ли, что сап даже по воздуху пере-
дается?

Кто-то резонно заметил:

— Насчет воздуха—это чушь. Да и с папирос-
сами враки. Ведь гильзы машинами делаются,
да и набивка машинным путем идет. Откуда зараза
явиться?

Комротовские сапоги.

В 144 полку смещен комрот
(командир роты) за то, что экс-
плоатировал и-цев своей роты.

У комрота—замечательные сапоги,
Не зеркало, а гораздо чище:
Настоященская луна светит с ноги...
Да что там...—Солнце, а не сапожища!
Да и не удивительно ничуть:
Ванька выдрессирован на славу—
С полночи над левым надсаживает грудь,
Под утро потеет над правым.
Только и веселья у бедняги—вот:
— «Ишь сапоги-то блещут как!»
Он утром нежно принимается натягивать
Сапоги на ножки ротного помещика.
Но лопнуло счастье комрота,
Комиссар—крокодила чище
Проглотил комрота, не боясь рвоты,
Вместе с глянцевым сапожищем.

Оно, конечно,—«Вниманье мелочам!»—
Троцкого слова золотые.
Чисть сапоги хотя бы по ночам—
Но свои, Ванятка, не чужие!

Однажды рабочий спросил Крокодила:
— Скажи, Крокодил, в чем богатство мое?
И, руку пожав ему нежно и мило,
Сказал Крокодил: — Подпишись на заем!

И вновь к Крокодилу рабочий взывает:
— Мне в жизни все хочется разом понять!
И вновь Крокодил не спеша отвечает:
— Совет дам простой: подпишись на меня!

МОСМУКОМОЛ

Н. К. П.

УПРАВЛЕНИЕ
Государственными мель-
ничными предприятиями
гор. МОСКВЫ.

□ □ □

СО СВОИХ ТОВАРО-

ОБМЕННЫХ ПУНКТОВ:

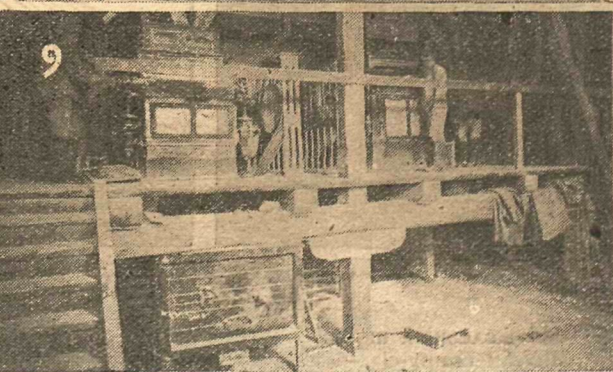
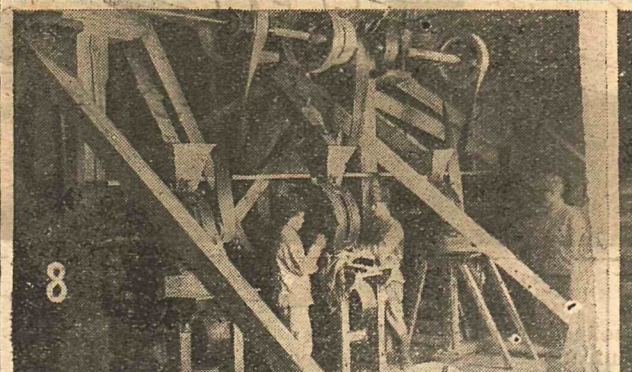
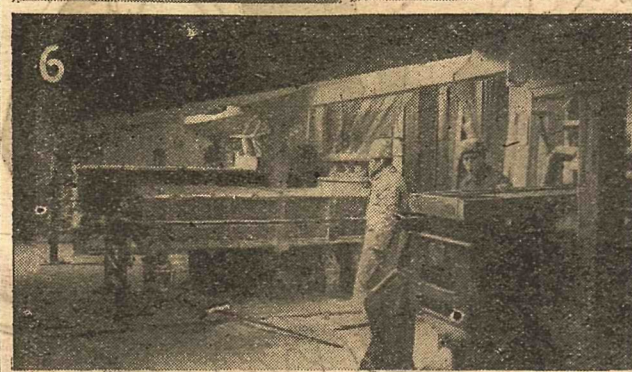
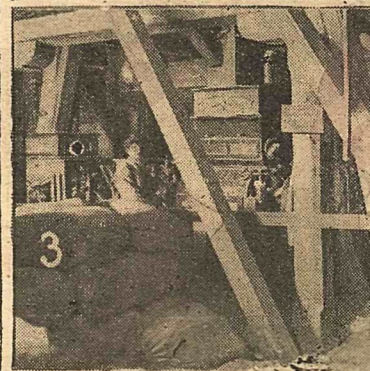
- № 1. Земляной Вал, Земляной рынок, д. 4/1. Телеф. 53-96.
- № 2. Таганская площадь, уг. Воронцовской ул., д. 2. Тел. 1-82-66.
- № 3. Зацепский рынок, Зацепская площадь, д. 4. Тел. 54-64.
- № 4. Угол Калужской пл. и Калужской ул., д. 1/2. Тел. 2-96-11.
- № 5. Смоленский рынок, Смоленская пл., д. 4. Тел. 68-26
- № 6. Сенная площ., угол мал. Тишинского пер. Тел. 2-26-74.
- № 7. Угол Пресображенской площади и Генеральной ул.

ПРОДАЕТ

непосредственно потребителю по ценам ниже рыночных
наивысшего качества продукты производства мельниц:
**муку крупчатую, сортовую,
пшеничную и ржаную,
обойную и отсевную
и различные крупы,**
а также производить обмен разного рода
зерна на готовые продукты собственного
производства мелкими партиями и круп-
ными партиями — через коммерческую
часть Мосмукомола (Гаврикова пл.,
здание бывш. хлебной биржи).

Телефон 88-26.

КРОКОДИЛ

РОССИЙСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ
29 ЯНВ 1923
ИЗДАНИЕ

Убийцы из-за угля...

Рис. М. Черемных

март 23.

Сказав: «Мне люб железный пап! В дугу согну рабочим спину-с!», — С Пуанкарэ вошел в контакт Самодержавный немец Спинне-с.

К войне имея общий вкус, Решили насаждать культуру: На немца сел верхом француз, Чтобы дожать рабочих Рура...